

Глава 29. После опьянения

Хэ Янь смотрел на экран, сжигаемый злостью.

Перед ним был совершенно незнакомый Линь Шо. Самый молодой и самый неопытный в труппе — а весь экран принадлежал ему. Даже Шэнь Южун, не раз игравший главные роли, рядом с ним как-то потускнел.

Врач и подросток становились всё ближе.

Врач был единственным спасением юноши — лучом, прорезавшим его беспросветный мир. Тот прошёл путь от испуга и недоверия через неуверенность — к тому, чтобы шаг за шагом открыться наставнику. Порой на лице юноши мелькала едва заметная улыбка; совсем лёгкая, но в такие мгновения он по-настоящему забывал о тенях и боли — всем существом тянулся к врачу, черпая в нём смелость и силы.

Врач тоже всё сильнее привязывался к подростку, а тот всё больше нуждался в нём.

После пережитого кошмара юноша страшился любого прикосновения. Узнав, что врача переводят на другой участок и тот больше не будет его вести, — он решился на невозможное: сам потянулся к нему, обнял.

Врач разрыдался.

Всё, что он вложил в этого мальчика, — отозвалось. Подросток больше не боялся мира, больше не прятался от людей, больше не жил в тени. Он мог встречать любые удары лицом к лицу — как обычный человек.

Вместе с врачом заплакали и многие из тех, кто пришёл в кино ради Шэнь Южуна.

Хэ Янь сидел, прижав к себе Фаньтуаня, и слёзы текли сами — удержать их не было никакой возможности.

О злости он уже не помнил. Целиком ушёл в историю.

Юноша только сделал первый шаг — впереди его ждали бесчисленные испытания. Неопытный врач бросил работу и бился за него; они вместе прошли через несчётные преграды, пока насильник наконец не получил по заслугам.

В истории так и не было сказано прямо: дружба это или любовь. Но каждый зритель чувствовал — связь между ними настоящая, глубокая, неразрывная.

Когда в зале зажётся свет, Хэ Янь не встал. Сидел один в центре ряда, глядя на имена актёров, ползущие по экрану.

Линь Шо всего двадцать лет. Откуда такая игра?

А вдруг раньше Линь Шо точно так же тянулся к Шэнь Южуну, точно так же полагался на него — и именно поэтому на экране они выглядели настолько естественно, настолько живо? Словно это не роль, а просто — жизнь.

Хэ Янь против воли вспомнил розовый след на плече Линь Шо. Чужой запах на нём. И то объятие на экране — такое щемящее, такое тёплое.

Он сжал кулаки.

Фаньтуань, словно почуяв его настроение, ткнулся мордой ему в грудь, задрал голову и тихо мяукнул — будто недовольный тем, что хозяин злится.

Хэ Янь замер на секунду. Встал, подхватил кота и вышел.

После банкета в честь премьеры съёмочная группа разошлась по маленьким компаниям. Линь Шо, Шэнь Южун и Чжэн Хао оказались за одним столом. Чжэн Хао с самого начала тянул Линь Шо выпивать — настроение у него явно было невесёлое. Праздничный день, а он точно тучи нагнал.

Чжэн Хао сыграл злодея убедительно, и фильм только-только вышел, а ругать его уже начали вовсю. Наверное, поэтому и раскис.

Линь Шо стоически составлял ему компанию, не отказываясь от стакана за стаканом.

Шэнь Южун сидел рядом и наблюдал. Линь Шо пользовался слишком большой любовью — его обязательно напоят до беспамятства. Самому пить незачем: он собирался лично отвезти Линь Шо домой.

Чжэн Хао нализался основательно и принялся плакать, уткнувшись в Линь Шо. Говорил о своей карьере, о том, как его типаж режет все дороги. Потом — о жене и детях, которые не верят в него. Дела на нуле, семья распадается — вся жизнь насмарку, всё напрасно. Хотелось бросить эту дорогу совсем.

Сидевшие рядом слушали, и у каждого щемило где-то внутри.

В индустрии таких историй хватало. Каждый год появлялись новые лица — а многие из старых так и сгорали в неизвестности, потратив на это занятие лучшие годы.

Везунчики были, но немного.

Линь Шо — один из них — мог только продолжать пить за компанию.

На Шэнь Южуна почему-то никто не налегал — слишком много всего навалилось на него в последнее время. В итоге он один остался трезвым, вызвал нескольких водителей и развёз всех по домам.

Шэнь Южун сам повёз Линь Шо к его квартире.

Тот был не маленький и не хрупкий — на руках не унесёшь. Шэнь Южун взял его на спину и поднялся на лифте. У двери опустил Линь Шо на ноги, прислонил к стене, оперевшись рядом, и потянулся в карман его брюк за ключами.

Найти не успел: дверь открылась изнутри.

Шэнь Южун обернулся — и уткнулся взглядом в полыхающие глаза Хэ Яня.

С его точки зрения картина была красноречивой: Линь Шо и Шэнь Южун стоят вплотную, а рука Шэнь Южуна зарылась в карман чужих брюк и делает там что-то непонятное.

Хэ Янь шагнул вперёд и вырвал Линь Шо из его рук.

— Аршо перебрал, — спокойно пояснил Шэнь Южун.

Хэ Янь прижал Линь Шо к себе — тело у того было совсем вялым, не держалось. Он зло уставился на Шэнь Южуна:

— Почему именно ты его привёз?!

— Все напильсь, я один был трезвый. — Шэнь Южун окинул взглядом Линь Шо и потянулся к нему, явно намереваясь забрать обратно. — Ты умеешь обращаться с пьяными? Если нет — я сам.

Хэ Янь затащил Линь Шо в квартиру и со всего плеча хлопнул дверью — Шэнь Южуну прямо в нос.

Фаньтуань от грохота шарахнулся в сторону и теперь с опаской косился на Хэ Яня.

Хэ Янь невольно смягчил движения.

Он подхватил Линь Шо на руки — поперёк, без усилий: сложение позволяло. Поташил в ванную. Запах алкоголя и чужой человеческий дух, пропитавший одежду, раздражали нестерпимо. Не раздумывая, он поставил их обоих под душ и пустил горячую воду.

Струи хлестнули Линь Шо в лицо — хмель немного отступил. Тот медленно разлепил веки.

Взгляды встретились.

Совсем не тот Линь Шо, что обычно.

Пьяный Линь Шо был тихим и послушным — как оленёнок, только что явившийся в этот мир. В чёрных глазах плескалось растерянное, почти детское удивление, какого в трезвом состоянии там не бывало никогда: словно он никак не мог понять, откуда вдруг взялся этот дождь.

Сердце Хэ Яня сбилось на два удара.

Он грубо, с нажимом, вымыл Линю Шо волосы, шею, всё тело — сверху донизу, каждый дюйм. Линь Шо покорно жался к нему, позволяя делать что угодно.

Когда пальцы Хэ Яня скользнули ниже спины, Линь Шо тихо застонал и поёрзал — неловко, словно ему было не по себе. Зарылся лицом глубже в его грудь; вырвавшийся сдавленный выдох бросил в кровь Хэ Яня жар.

Он свирепо зыркнул на Линь Шо, закутал его в полотенце и вынес из ванной.

Линь Шо был совершенно голым, с мокрыми волосами. Хэ Янь плотно завернул его в полотенце, достал фен и тщательно высушил волосы.

Линь Шо сидел смиренно, позволяя делать с собой что угодно.

Управившись, Хэ Янь обнаружил, что тот уже лежит на кровати — тихий, покорный — и те самые оленьи глаза всё так же смотрят на него, не мигая.

От этого взгляда сердце колотилось вразнос.

Вот, значит, каким бывает Линь Шо пьяным. Куда милее, чем трезвым.

Глядя на эту послушную мордашку, Хэ Янь неожиданно для себя спросил:

— Почему ты выбрал меня?

Линь Шо смотрел непонимающе.

— Из-за деда? — попытался подсказать Хэ Янь.

Похоже, поняв, что с ним говорят всерьёз, Линь Шо тоже задумался всерьёз. Потом медленно кивнул — едва заметно, но достаточно.

Хэ Яню стало горько и кисло одновременно. Не описать словами.

Рука дрогнула. Он осторожно спросил:

— Ты меня ненавидишь?

В чёрных глазах мелькнул огонёк — что-то похожее на слабую улыбку. Горло пересохло, говорить было трудно, и Линь Шо выдавил по одному слову:

— Не ненавижу.

Помолчал, повернул к нему голову и тихо добавил:

— Всё равно осталось три года.

Три года?

Хэ Янь не понял. Переспросил:

— Какие три года?

— Контракт.

Хэ Янь похолодел. Сердце забилось часто, не в лад — и с ним вместе поднялась волна смутной тревоги, почти страха. Спрашивать дальше не хотелось, но такого Линь Шо он больше никогда не увидит. Надо сейчас.

Что за контракт? Почему три года? Не ненавидит — потому что контракту осталось три года?

— С кем контракт? — выдавил он сквозь зубы.

Пока вопрос висел в воздухе, руки Хэ Яня мелко тряслись. Каждая секунда тянулась невыносимо. Он не мог оторвать взгляда от лица Линь Шо — и увидел, как у того чуть сдвинулись брови. Долгая пауза. Потом тихо:

— Твой отец.

Хэ Янь потерял дар речи.

— Что?

Линь Шо решил, что тот не расслышал, и повторил:

— Твой отец. Хэ Боюань.

— Что за контракт? — Хэ Янь схватил его за плечи.

Линь Шо смотрел растерянно. Ответить на это было сложно — слов не хватало, мысли путались.

Хэ Янь вскочил и с силой пнул прикроватную тумбу.

Линь Шо вздрогнул.

— Пять лет? — Хэ Янь стиснул его руку. — В контракте пять лет?

Линь Шо кивнул.

— Когда истекут — уйдёшь?

Тихое «угу».

— Уходи! — Хэ Янь хотел заплакать, но вместо этого засмеялся — смех вышел страшнее слёз.
— Подумаешь, кому ты нужен! Все завидуют моему папочке — ещё бы, незаменимый человек: даже постельную грелку нашёл мне сам!

Линь Шо смотрел на этот смех — а смех был горше любых рыданий. Медленно потянулся к нему, обнял, слегка похлопал по спине:

— Не грусти.

Хэ Янь оттолкнул его:

— Кто грустит?!

Но глаза уже предательски покраснели.

Почему Линь Шо смеет его жалеть! Как будто сам живёт в раю! Никто лучше Хэ Яня не знал, насколько безжалостен Хэ Боюань — и что такое его отцовские «щедроты». Полтора года назад Линь Шо было восемнадцать — девятнадцать лет. Он был гордостью, на которую все оглядывались: умнее, ярче, лучше всех — и везде его любили.

А потом Хэ Янь не удержался и потянулся к нему.

И именно этот шаг привлёк к Линь Шо внимание Хэ Боюаня.

Линь Чу рассказывал: у Линь Шо нет родителей, они с дедом всегда были только друг у друга. Дед тяжело болен, а у Хэ Боюаня в кулаке — лучшие врачи и лучшие ресурсы страны. Что оставалось Линь Шо, когда жизнь единственного близкого человека лежала в чужих руках?

Прежней гордости — конец.

Ему оставалось только покориться. Принять все абсурдные условия. Лезть в постель, как требовал Хэ Боюань, — и быть тем, кем тот его считал.

Хэ Янь притянул Линь Шо к себе и поцеловал.

От этого поцелуя губам Линь Шо стало больно — глаза затянуло туманом. Он несмело попытался отстраниться. Хэ Янь прижал его крепче и своими руками дал ему то, чего тот никогда не получал.

Линь Шо чувствовал странное, незнакомое ощущение — острое, нарастающее — и не понимал, что с ним происходит. Только молча вцепился в Хэ Яня, глаза в туманной поволоке.

Сердце у Хэ Яня жгло — как рана.

Он никогда не думал о том, каково Линю Шо. По всему было видно: тот никогда не испытывал ничего подобного. Иначе его реакция не была бы такой потерянной, такой наивной. Сколько это уже длится — и каждый раз Хэ Янь просто брал его, не задумываясь, унижал, владел, не давая ничего взамен.

Хэ Янь сжал руки, намертво обхватив Линь Шо.

— Больно, — глухо сказал тот.

Хэ Янь чуть ослабил хватку и прикоснулся губами к его шее:

— Тихо. Не больно. Больше не будет больно.

Линь Шо тихо выдохнул и выгнулся — и наконец отпустил, обвив Хэ Яня руками и ногами, лицом уткнувшись в ямку у него на шее. Глаза защипало от чего-то непонятного, чему он не мог найти названия.

Хэ Янь не торопился — впервые за всё это время — терпеливо, шаг за шагом. До глубокой ночи.

После он снова отнёс Линь Шо в ванную, помыл, одел в пижаму и уложил. Долго лежал рядом, глядя на спящее лицо — и к тому моменту уже знал твёрдо: Линь Шо не должен ничего вспомнить.

Они хотят, чтобы он оставался дураком? Пусть. Он побудет дураком.

Иначе у него не будет даже этих трёх лет.

Наутро Линь Шо разбудило солнце, пробившееся сквозь шторы. Он открыл глаза — и сразу почувствовал: всё тело ломит и ноет. Стянул одеяло, посмотрел — так и есть: следы поцелуев, свежие, один к одному.

Помнил он только, как напился вчера. Дальше — провал. Но и объяснять тут было нечего: Хэ Янь превратился в зверя и воспользовался беспомощным человеком. Всё понятно без слов.

Вот так. Даже пьяного не пожалел. Нет слов.

Линь Шо повернул голову.

Хэ Янь тоже не спал — смотрел на него.

— Доброе утро, — сказал Линь Шо.

Хэ Янь перекатился на него сверху и навис:

— Доброе. Раз уже протрезвел — давай поговорим.

— О чём?

— Кто разрешил тебе сниматься? — процедил Хэ Янь. — Кто разрешил играть такую роль?!

— Ты не запрещал.

— А потому что ты знал: если спросишь — я не соглашусь. Вот и молчал!

Линь Шо прикусил губу. Возразить было нечего. Он действительно боялся, что Хэ Янь вмешается, потому и промолчал. Иногда казалось, что Хэ Янь весь свой ум тратит именно на такие вещи — а иначе откуда вдруг такая проницательность?

— Нечего сказать? — Хэ Янь смотрел с торжеством. — Сам понимаешь, что неправ?

Линь Шо приподнялся и поцеловал его.

Хэ Янь уставился на полуприкрытые ресницы.

Неловкое, ленивое, откровенно отделяющееся «поцелуй-вместо-извинения». И как он раньше всё это не замечал?

Никаких слов — просто прицелиться губами, и готово. Думает, его так легко купить?

Хэ Янь уже собирался прижать его к себе и ответить по-настоящему, но дверь приоткрылась с тихим скрипом. В щели показалась голова Фаньтуаня. Кот поочерёдно оглядел обоих жалобным взглядом.

— Фаньтуань проголодался. — Линь Шо столкнул Хэ Яня с себя, подхватил кота и пошёл греть козье молоко.

Хэ Янь хмыкнул что-то себе под нос и поплёлся умываться.

Пока Линь Шо поставил молоко перед котом и тоже пошёл умываться и переодеваться, из кухни уже тянуло едой. Хэ Янь стоял у плиты в переднике, сосредоточенный. Вскоре он вынес две яичницы и налил молока в два стакана.

Откусив от куска хлеба, прогундосил:

— Чего уставился? Там хлеб разогрелся — неси.

Линь Шо чуть помедлил, зашёл на кухню и забрал хлеб, прихватив заодно шоколадную пасту, которую Хэ Янь любил.

Хэ Янь на мгновение застыл. Полгода он жил здесь — из-за Фаньтуаня. Линь Шо ни разу ничего не говорил, но что Хэ Янь любит, что нет — всегда помнил и держал в голове. Сам он на такие вещи внимания не обращал. Поэтому и не замечал.

Покончив с завтраком, Хэ Янь вернулся к прежнему:

— Один раз прощаю. Ещё раз скроешь от меня съёмки — не помилую.

— Не повторится. Я вообще не очень люблю сниматься. Просто хотел отдать долг брату Вану, да и за А-Жуном переживал.

Хэ Янь скривился.

Эти двое появились в жизни Линь Шо, когда он сам его ещё не знал!

— Ты действительно обращался к этому Шэнь Южуну за помощью — как в фильме? — не удержался он. — А иначе почему Шэнь Южун, увидев меня, нисколько не удивился? Он явно знает про вас с тобой!

— А ты похож на того подонка из фильма? — вопросом на вопрос ответил Линь Шо.

— Конечно нет!

— Тогда с чего мне было обращаться за помощью?

Хэ Янь вспомнил вчерашнюю ночь: растерянный, беспомощный Линь Шо — тот, что честно говорил «больно», когда было больно. А прежде — хоть раз он так говорил, без принуждения?

— Если тебе плохо — говори мне, — сказал Хэ Янь. — Не ходи к другим.

Линь Шо помолчал.

— Ладно.

— И больше столько не пей.

Линь Шо согласился без раздумий.

Хэ Янь смотрел на него — спокойного, невозмутимого — и где-то внутри щемило.

Даже вот такой — отстранённый, отделивающийся дежурными ответами — этот Линь Шо достанется ему всего на три года.

Хэ Янь допил молоко и заговорил о другом:

— Сегодня вечером, скорее всего, не вернусь. Побудь дома с Фаньтуанем.

<http://bllate.org/book/17574/1713801>